

русских, возникновение такого типа деспотии стало реальностью» (с. 339). «Не будет ошибкой сказать, – отмечает автор, – что туркменский электорат столичного региона принял Перестройку уже только потому, что у власти появился земляк-единоплеменник (С. Ниязов. – *О.Б., Г.В.*)».

Хотелось бы сказать и о приложении к Словарию, где опубликовано несколько важных документов. Они уникальны и вводятся в научный оборот (целиком или в извлечениях) впервые. Среди них материалы, проливающие свет на малоизвестные страницы истории Туркмении, такие как протоколы обыска на квартире первого председателя Совнаркома ТССР Кайгысыза Атабаева в годы репрессий, и более современные документы, повествующие об отстранении от власти первого секретаря ЦК КПТ Сухана Бабаева, современная переписка между членами руководства Туркменистана, полемизирующими о том, можно ли изменить общую численность населения страны на 300 тыс. чел., и др.

Подводя итоги, следует заметить, что такой колоссальный объем работы, который в одиночку взял на себя Ш.Х. Кадыров, обычно выполняется коллективом исследователей. Создав столь монументальный труд, он, конечно, не мог избежать целого ряда ошибок, не влияющих однако на общую положительную оценку работы.

Позволим себе несколько конкретных замечаний: на с. 322 Туркменистан назван исторической родиной огузов, тогда как на с. 321 совершенно верно указано, что огузы пришли из Восточного Туркестана, а Туркменистан был родиной ираноязычных кочевников, с которыми в X в. стали сливаться огузы, получив имя туркмен-огузов. Нельзя согласиться с утверждением, что племена смешивались друг с другом в XX в. (с. 327). Племенная эндогамия, как известно из полевых этнографических исследований, сохранялась в целом и в середине XX в. Другое дело – отдельные родовые группы: в силу тех или иных причин оказавшись на территории другого племени, они постепенно ассимилировались им. В Словаре довольно часто встречается термин «этническое общество», который обычно избегают использовать в русскоязычной литературе применительно к различным историческим периодам от древности до современности. При этом не дается никакого определения этого термина при противопоставлении его так называемому гражданскому обществу. Остается неясным, какими критериями пользуется автор, обозначая то или иное социальное образование термином «этническое общество».

Можно было бы указать еще на некоторые досадные неудачные выражения, но в целом о книге Ш.Х. Кадырова следует сказать, что она очень своевременна, особенно в наши дни, когда в Туркменистане восторжествовал вульгарный и антиисторический антисоветизм, когда разжигается национализм, а вместо истории в туркменских школах преподают политические сочинения первых лиц государства.

В данной рецензии мы не ставили задачи осветить все стороны фундаментальной исследовательской работы, проведенной автором первого в историографии Туркменистана «Исторического словаря». Однако даже краткая рецензия показывает, что книга Ш.Х. Кадырова может быть впервые даст представление о многих малоизученных страницах исторического развития Туркменистана.

Хотелось бы пожелать автору успехов в его дальнейшей работе.

О.И. Брусина, Г.П. Васильева

© ЭО, 2003 г., № 4

Центральноазиатский караван (аналитические наброски после прочтения книги Ш. Кадырова «Российско-туркменский исторический словарь». Т. I. Берген, 2001. 456 с., ил.).

Возрастающий поток публикаций, в том числе и научных, характеризующийся ангажированностью подхода к центральноазиатской проблематике, в подавляющей массе обходит сложность обстановки в этом регионе, слабо учитывает менталитет и своеобразие исторически сложившихся форм жизни коренного населения. Именно поэтому появление «Российско-туркменского исторического словаря» Шохрата Кадырова вызвало большой интерес и необходимость дальнейшего обсуждения.

Написал его политэмигрант из Туркмении, которого приняла гостеприимная Норвегия. В исследовательских кругах он известен как автор многочисленных историографических, этнографических, демографических работ, посвященных малоизученным и спорным проблемам возникновения и развития туркменской общности и государственности. Он обратил на себя внимание смелостью и оригинальностью

суждений и оценок. Эту особенность своего исследовательского пера, как нам представляется, он сохранил и в своей последней книге.

Книга открывается «Летописью», представляющей синхронную таблицу туркменской истории в корпусе с основными вехами российского (советского) и среднеазиатского исторического процесса. Центральная часть и самый большой раздел книги – «Словарь». Он включает 500 статей и несколько тысяч мелких предметно-тематических комментариев. Автор старался охватить различные стороны жизни прошлой и настоящей истории туркмен. С особой тщательностью расписываются биографии знаковых личностей с эпохи средневековья до наших дней, деятелей русской колониальной администрации, туркменская традиционная элита, статусная интеллигенция, писатели, деятели культуры, науки, образования, политики, в том числе бывшие и нынешние партийные и государственные функционеры, номенклатура, оппозиция, эмигрантские круги, общественные организации и движения, наиболее важные исторические события и т.п. Читатель может найти сведения о старейшем туркменском племени гёклен, о субэтнических группировках туркмено-огузской племенной конфедерации, о западных фирмах – инвесторах в нынешний Туркменистан и т.д.

Ш. Кадыров, конечно, опирался на традиционный российский и зарубежный опыт составления энциклопедических словарей, хотя большую часть рубрикаций составлял сам и заново. По признанию составителя, скудость и закрытость материала, не вполне надежные научные источники диктовали свои условия и заставляли его проводить самостоятельные исследования и разыскания по самой различной исторической тематике, что и определило довольно оригинальную структуру словаря. Собственно «Словарь» обрамлен двумя разделами – «Введение» и «Эпилог», каждый из которых разбит тематически на подразделы. Эти обрамляющие части представляют собой научный комментарий к рубрикам «Словаря».

В конце книги помещены «Документы и воспоминания». Всего десять наименований, девять из них ранее не были опубликованы. Читатель может познакомиться с воспоминаниями о роли Махтамкули-хана в годы революции; с фрагментами из стенограммы III съезда КП(б)Т (1927); с отрывками из прений на Объединенном заседании Исполкома ЦКК КП(б)Т (1929) о нескладывающихся служебных взаимоотношениях между туркменами и европейцами в партийных и советских кругах; с «Докладной запиской Комиссии ЦК КПСС по результатам проверки положения дел в Бюро ЦК компартии Туркменистана 24 декабря 1958 г.» о снятии с работы первого секретаря ЦК Бабаева С. и секретаря по идеологии Дурдыевой и др.

Нельзя сказать, что «Словарь» составлен безукоризненно. К наиболее серьезным пожеланиям по его совершенствованию следует отнести необходимость более широкого научного комментария к разделу «Документы и воспоминания» или использования важных постановлений и документов из архивов Узбекистана, относящихся ко времени, когда управление Туркменистаном осуществлялось из Самарканда и Ташкента сначала русским генерал-губернатором, а после революции Средазбюро ЦК РКП(б) и Туркестанским правительством. Полиюта исторической и политической модели развития Туркменистана без учета влияния социально-культурной жизни соседних центральноазиатских стран, Ирана, Афганистана, Турции едва ли может быть раскрыта. Однако в этом нельзя упрекать автора энциклопедии. Книга была задумана им как «Российско-туркменский исторический словарь», и эту задачу он выполнил блестяще.

Центральное место в «Словаре» и в аналитических разделах книги, естественно, занимают проблемы русско-туркменской интеграции. И надо отдать должное автору книги, отказавшемуся от упрощенной, черно-белой трактовки этого интеграционного процесса.

Выстраивая позитивные стороны русской интеграционной политики, Ш. Кадыров опирается на объективные исторические факты и рисует картину несомненных революционных преобразований в самых различных сферах жизни Туркменистана (от мощной энергетической базы до создания национальной Академии наук), однако сопровождающихся и негативными процессами (массовый отток туркмен в Иран и Афганистан, деформация производственной и социальной инфраструктуры и сырьевая специализация, экологическое опустошение и т.п.). Становится ясно, что сложный, противоречивый, неадекватный в разные периоды процесс русского влияния на развитие туркменского общества и государственности (как и всего центральноазиатского региона) требует серьезного, системного, неангажированного изучения, что может в конечном итоге снизить накал страстей и споров, взаимных обид и дискриминационных действий, способствовать улучшению межгосударственных отношений.

В аналитических разделах книги автор последовательно и аргументированно прослеживает важную роль родоплеменных и кланово-земляческих отношений и факторов в истории туркменского народа начиная с древнейших конфедераций огузов и кончая появлением русифицированной евротуркменской популяции и утверждением в настоящее время гегемонизма ниязовского клана ахалтекинцев. В этой исторической парадигме объясняет Ш. Кадыров сложившуюся в настоящее время в Туркменистане полуфеодальную, автохтонную военно-политическую деспотию и этнический национализм. Сила президента С. Ниязова в том, что он опирается на клановый институт и связи.

Обобщая роль родоплеменных и кланово-земляческих отношений, которые были несколько смягчены воздействием русско-европейских культурно-бытовых стереотипов и форм государственного управления и хозяйствования в истории Туркменистана, исследователь приходит к выводу, что «субэтническая сплоченность, неразделимая с режимом деспотии» и в дальнейшем будет определять судьбу его страны.

Субэтнический или кланово-земляческий фактор, обратной стороной которого выступает этнический национализм, в той или иной мере, несомненно, сыграл и играет заметную роль в политической и производственной жизни всех центральноазиатских республик и способствовал узурпации власти. На волне неистового национализма пришел к власти и удерживает бразды правления президент И. Каримов, развернув оголтелую пропаганду исторического величия узбекского народа и его вклада в мировую культуру и науку в то время, как европейские народы ходили в звериных шкурах. Культ свирепого средневекового завоевателя Тамерлана как отца узбекской нации, так же как и реанимация и совершенно необоснованная экстраполяция величия и роли менее значительных исторических фигур, событий, обычаев, праздников эпохи феодализма, составляют одну из важных пружин идеологической политики нынешнего Узбекистана. Пересименование улиц, смена памятников и алфавита, переориентация гуманитарных дисциплин, издательских планов, вузовских и школьных программ обучения, одним словом, все сферы общественной, культурной, образовательной жизни республики пронизаны воинствующим национализмом. И когда узбекские власти не перестают утверждать, что тени СССР и русского господства продолжают довлеть над независимым узбекским обществом и являются причиной чуть ли не всех «домашних» бед (и прежде всего экономического развития) – это и есть пример использования этнического национализма в политических целях для оправдания ошибок и промахов руководства республики.

С еще большим размахом разыгрывается карта этнического национализма в Туркменистане. В опубликованном в августе 2002 г. указе президента республики «О введении в нейтральном Туркменистане национального летоисчисления туркменского народа, обозначений дней недели двенадцатилетнего цикла жизни человека, а также праздновании "Ак гоюн тойы"» указывается, что туркменский народ за «свою пятитысячелетнюю» историю внес заметный вклад в сокровищницу общечеловеческих ценностей, но «на каком-то витке своей славной героической истории оказался униженным и оскорбленным» (не трудно догадаться кем. – Л.У.) и вот теперь с обретением независимости он возрождает свою подлинную историю. Но к чему привела эта «культурная революция», всем хорошо известно. В ООНовских регистрах Туркменистан причисляется к беднейшим странам, где средняя зарплата не превышает 10–15 американских долларов в месяц. Трудно не согласиться с автором «Исторического словаря», что этнический национализм был и остается питательной базой деспотии, «государственного терроризма» в Туркменистане.

Несколько мягче был задействован механизм этнического национализма в Казахстане и Кыргызстане, где антирусские настроения не приняли столь уродливых и агрессивных форм, как в Узбекистане и Туркменистане, в силу территориальной и исторической близости к России. Лидеры этих стран были более осторожны в своих суждениях о роли России в истории их народов и государств. Тем не менее повальный отток русскоязычного населения из этих стран (высхало более 40%)¹, сужение арсала функционирования русского языка, служебная и бытовая дискриминация характерны и для этих республик.

Нет ничего удивительного и в том, что эффект субэтнического гегемонизма и этнического национализма в заметной мере определяет и межгосударственные отношения центральноазиатских стран. Однако интеграционные планы этих государств строительства единой экономической зоны, таможенной, налоговой, кредитно-денежной, ценообразовательной, экологической политики, совместных инвестиций в строительство транспортных артерий к восточным и западным рынкам сбыта и др. пока не начали осуществляться. Первым это понял туркменский президент, отказавшийся от всех договоров и участия в центральноазиатских саммитах. Все политические и экономические связи между странами этого региона строятся фактически на двухсторонних соглашениях, выполнение которых тоже не гарантировано.

Интеграционным процессам в Центральной Азии, необходимость которых более чем очевидна, мешают и объективные факторы, в частности, однотипная сырьевая и сельскохозяйственная ориентация и слабое промышленное производство, доставшиеся по наследству от Союза. Казахстан с его развитой металлургической и горнодобывающей промышленностью, правда, находится в несколько лучшем положении. Однако в большей мере интеграционным процессам в этом регионе препятствуют политические факторы, в том числе и этнический национализм. Мировая практика свидетельствует, что диктаторские страны, подавляющие свободу личности и общества, не дружат и не интегрируются, а по большей части воюют. Соперничающие, враждующие, волонтаристски решающие вопросы социального и хозяйственного развития своих стран лидеры центральноазиатских республик в этом отношении не исключение. Этнические противоречия и столкновения по-прежнему сотрясают братские солнечные страны. Узбекистан то и дело перекрывает газ, идущий в Киргизию, а Бишкек в отместку перекрывает водные артерии в Узбекистан. Еще свежи в памяти ошские и узгенские события 1990 г., унесшие сотни жизней узбеков и киргизов. Волевые решения Москвы 1920–1930-х годов, в результате которых были произвольно нарезаны границы этих республик, заложили источник постоянной социальной напряженности в регионе.

Заканчивая аналитический «Эпилог» и суммируя роль различных факторов в развитии современного Туркменистана, Ш. Кадыров приходит к довольно радикальным выводам и прогнозирует наиболее вероятный путь развития своей республики. Он считает, что именно благодаря «социальной недоразвитости, незрелости национального самосознания, которые президентская власть С. Ниязова усугубила», кланово-субэтническое влияние на политическую жизнь в республике, неразделимое с режимом деспотии, «объективно будет сохраняться еще довольно долгое время». «Кто бы ни сменил Ниязова, главным будет вопрос о сохранении режима безграничной президентской власти»². Заканчивается книга прогнозом о бесперспективности демократизации Туркменистана, как и «всей Центральной Азии вне ее федерализации» (с. 359). Проблема демократизации постсоветской восточной окраины и в самом деле едва ли будет решаться позитивно в ближайшие годы.

И тем не менее сразу возникает вопрос – насколько оправданно переносить опыт и обстановку Туркменистана на соседние республики, которые при всем сходстве исторических, социальных, культурных и прочих параметров все-таки отличаются друг от друга. К тому же кланово-земляческие субэтнические факторы проявляются не в равной мере в разных республиках. В Туркменистане и Таджикистане – в большей, в Узбекистане и Казахстане – в меньшей степени, не оказывая столь кардинального влияния на политическую жизнь страны, как в первых двух. Поэтому, если проблема федерализации как важнейшего механизма демократизации власти и жизни в целом и в самом деле чрезвычайно актуальна для одних республик, то для других, например, Узбекистана, она не стоит столь остро. Однако трудно не согласиться с мнением автора, что демократизировать общественно-политическую жизнь страны и тем более построить демократическое государство при разгуле этнического национализма и субэтнического гегемонизма (в том числе и великодержавного) практически невозможно.

Вся сложность решения проблем субэтнического и этнического гегемонизма состоит в том, что они проявляют ту или иную меру воздействия на социодинамические процессы лишь в сложном сочетании с другими историческими, общественными и экономическими факторами. Поэтому, если говорить о трудностях демократизации различных сфер жизни центральноазиатских стран, то следует более широко и системно определить причины, препятствующие этому процессу. До сих пор во всех республиках этого региона сохраняются присущие мусульманскому народу традиции патернализма. О роли неререформированной на протяжении многовековой истории исламской религии с ее жесткой системой предписаний и определений, авторитарной структуры функционирования семьи, общества и государства, наложившей заметный отпечаток на сознание и формы жизни местных народов, начала говорить только в последнее время³. В принципе, говоря о демократизации и пытаясь сделать какие-либо прогнозы в отношении государств Центральной Азии, следует обратиться к системообразующему экономическому фактору.

Если же после краткой экскурсии по чужой территории вернуться к центральноазиатской проблематике, становится очевидным, что только изменения в экономике, а затем и радикальные преобразования в этой сфере могут сдвинуть с мертвой точки нынешнюю кризисную ситуацию в восточных республиках бывшего Союза и, прежде всего, если решить проблему более широкого экспорта на мировые рынки газо-нефтяных запасов, хлопка и сельскохозяйственной продукции, редких металлов и золота, урана и т.п. (и не только в виде сырья, но и после вторичной обработки). Заметную роль в этом преобразовании древнего региона могут сыграть США и Запад, а также Россия, более эффективно построив свою восточную политику в интеграционной парадигме с первыми и развитыми восточными странами.

С изменением нищенского положения народов Центральной Азии можно эффективно решать и такие проблемы, как борьба с коррупцией, авторитаризмом, этническим и субэтническим гегемонизмом, словом, демократизировать общественно-политическую жизнь. Трудно сказать, как будет складываться ситуация в данном регионе, если отвлечься от теории и трезво оценить сложившуюся здесь парадоксальную ситуацию. Ведь для того, чтобы сдвинуть экономику, нужно демократизировать социально-политическую ситуацию в стране, но для того, чтобы изменить общественно-политическую жизнь, нужны экономические реформы. Так что при всей пессимистичности прогноза Ш. Кадырова о будущем центральноазиатских республик, с которым трудно не согласиться, перспективы позитивных изменений даже в ближайшие годы далеко не нулевые. Нынешний центральноазиатский караван, пока так и не разбуженный ревуцими моторами, сверхзвуковыми лайнерами и быстродействующей информационной технологией, похож на своих древних предшественников, не спеша преодолевавших Шелковый путь. Восток – дело тонкое.

Примечания

¹ По данным официального Статистического комитета Казахстана, с 1989 по 1999 г. численность русских уменьшилась с 6 227 549 до 4 479 618 чел. (на 28,6%), украинцев – с 896 240 до 547 052 чел. (на 38,9%), белорусов – с 182 601 до 111 926 чел. (на 38,7%), немцев – с 957 518 до 111 926 чел. (на 63,1%). Выехали и представители других национальностей, для которых русский язык является родным. По опросным анке-

там хотят выехать 90% русскоязычного населения. Доля русскоязычного населения, выехавшего из других республик Центральной Азии, еще выше.

²Приводятся некоторые выдержки из статьи Ш. Кадырова «Туркменистан: институт президентства в клановом постколониальном обществе», опубликованной в журнале «Евразия» и помещенной в Интернете на сайте Ш. Кадырова (<http://turkmeny.hl.ru>).

³Любопытные наблюдения см. в кн.: *Ahmed Rshid. The Resurgence of Central Asia. Islam or Nationalism. L., 1994.*

Л.Д. Усманов

© ЭО, 2003 г., № 4

E. G o v o r. My dark brother. The Story of the Illins, a Russian-Aboriginal Family. Sydney, 2000. 385 p.

Эта книга, вышедшая в Австралии и названная «Мой темнокожий брат. История русско-аборигенной семьи», принадлежит перу нашей соотечественницы. Имя Елены Говор хорошо известно российским этнографам, занимающимся народами Австралии и Океании, благодаря проделанному ею титаническому труду по сбору всего, что было написано на русском языке о пятом континенте и островах Океании: в 1985 г. она опубликовала библиографию работ по Австралии (аналогичная работа по Океании, к сожалению, не издана), в 1993 г. совместно с А.Я. Массовым – книгу «Русские моряки и путешественники в Австралии».

В 1990 г. вместе с мужем Е. Говор отправилась в Австралию и осталась там навсегда. В 1996 г. она получила докторскую степень в Австралийском национальном университете, в 1997 г. издала книгу «Australia in the Russian Mirror: Changing Perceptions 1770–1919». Melbourne, 1997.

Новая книга Е. Говор знакомит читателя с удивительной судьбой незаурядного русского человека – Николая Николаевича Ильина (1852–1922), в бытность в России юриста и весьма известного писателя с демократическими убеждениями. Человек широкой образованности и высоких моральных принципов, Н. Ильин близко к сердцу принимал судьбу униженных и оскорбленных в России и немало натерпелся от общества за попытку отстаивать их права. Н. Ильин, вращавшийся в кругу известнейших русских писателей и художников, обладал чрезвычайной неуживчивым и беспокойным характером, определившим его участь изгоя на родине, скитальца по белому свету. Отец многочисленного семейства, он пытался обосноваться в Аргентине, в Патагонии, и почти преуспел в этом, но тяга к перемене мест забросила его в 1910 г. в Австралию, в Квинсленд, откуда он после многих лет жестокой борьбы за существование снова бежал с женой и младшими детьми на Южноамериканский континент (в Колумбию, а затем в Гондурас). Нарисован на основании литературного наследия, переписки с современниками и многочисленных архивных документов, семейного архива и воспоминаний потомков портрет этой неутомимой и противоречивой личности, чьи высокие идеи не всегда претворялись в поступки (отчего он был по-настоящему понят и до конца «принят», пожалуй, только женой и детьми), Е. Говор видит несомненную заслугу Н. Ильина и главное достижение его жизни в передаче своим детям высоких принципов чести, человеческого достоинства, уважения ко всем людям независимо от их расовой и социальной принадлежности.

Старший сын Н. Ильина, Леандро (1882–1946) (его портрет украшает обложку книги, так как фактически он является главным героем повествования) доказал своей жизнью, что для него это не абстрактные истины, а единственно возможный способ существования: в Австралии он женился на аборигенке и вырастил шестерых детей в духе глубокого уважения к культуре племени нганьон, к которому принадлежала их мать. Даже само вступление в брак с аборигенкой в 20-е годы XX в. противоречило духу австралийского («белого») общества, и Леандро потребовались недюжинное упорство и мужество, чтобы настоять на заключении в 1915 г. именно официального брака с темнокожей женщиной (в Квинсленде таких европейцев было вместе с ним всего шесть, остальные преспокойно бросали своих детей от этих непрестижных союзов). Дети Леандро как полукровки были обречены на дискриминацию, но их переживания по этому поводу были смягчены моральной поддержкой со стороны отца и его решительной борьбой против всех незаконных притеснений со стороны властей. Е. Говор обнаружила в архивах учреждений, призванных опекать аборигенов, многочисленные заявления Л. Ильина в защиту жены (от депортации в резервации), детей и их родственников (со стороны матери), не сдававшегося до достижения победы. Помимо этих «схваток» с представителями закона (зачастую творившими беззакония) Л. Ильин, убежденный противник расовых и национальных предрассудков (а бывали времена, когда австралийские шовинисты испытывали приступы ненависти не только к аборигенам, но и к русским, итальянцам и пр.), высказывал властям и обществу все, что он о них думал, на страницах газет.

От отца он унаследовал писательский дар, а с детства прекрасно владел английским языком. Анализ публицистического наследия Л. Ильина (первое знакомство Е. Говор с сочинением, вышедшим из-под его